А. С. ГРИБОЕДОВ

(К 150-летию со дня рождения)

I.

«Утро, чуть день брежжится», — эти слова стоят в ремарке к первому действию бессмертной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

— «Светает!»... — этим знаменательным словом начинается комедия.

Не только брежжилось начало бурного дня, пережитого Чацким в комедии, — занималась заря нового века.

Густым крепостническим мраком объята была Россия. Над ней властвовал царский произвол. Народ давило жестокое засилье крепостников. Фамусовы и Скалозубы правили страной. Им с холопским рвением прислуживали Молчалины. В крошечной тьме шумели Репетиловы и обдывали свои плутовские дела Загорецки.

Но уже рассветало.

Народ, передовые силы русского общества, разбуженные недавно отгремевшей отечественной войной 1812 года, не могли, не хотели долгие мириться с прежней жизнью. Могучая народная река, которая в дни отечественной войны вышла из своих берегов, в бурном разливе смыла с русской земли вражеское нашествие и истопила в своих волнах величайшего завоевателя — Наполеона, дохлестнув до столицы Франции — Парижа, — эта река не могла больше смиренно вернуться в прокрустово ложе старой феодальной России.

Появились новые люди, пробудились новые силы.

«Горе от ума» — этот, по словам Белинского, — «высочайший образец комедии, это благороднейшее создание гениального человека» — явилось ярким снопом света, озарившим окружающий мрак. Смелый ум Грибоедова — Чацкого осветил вековое безысходное горе страны, в которой был обречен на рабство «умный, бодрый наш народ», как назвал его Чацкий.

В знаменитом критическом этюде о пьесе «Горе от ума» — «Милльон терзаний» И. А. Гончаров писал о Чацком и о Чацких — людях «неизменно являвшихся на очередной смене эпох и поколений, — в борьбе за идею, за дело, за правду, за успех, за новый порядок», что их роль — страдательная. «Такова роль всех Чацких — пишет Гончаров, — хотя она в то же время и всегда победительная. (Подчеркнуто нами — Б. М.). Но они не знают о своей победе, они сеют только, а пожинают другие».

«Чацкий, — пишет далее Гончаров, — брызнул сам на заглохшую почву живой водой, — увозя с собой «милльон терзаний»...

Эти слова вполне применимы и к А. С. Грибоедову. Он не имел даже счастья увидеть свое произведение напечатанным. Об этом не могло быть и речи в тех условиях, когда малейшее «вольномыслие» каралось. Лишь отрывок комедии со следами цензурных ножниц был опубликован при жизни автора. На сцене он своей комедии так и не увидел... Зато она сразу же была распространена во множестве списков. «Горе от ума» еще в рукописи было выучено наизусть целую Россию! — восторженно писал Белинский.

«Горе от ума» не только классическое литературное произведение, ставшее, наряду с творениями Пушкина, истоком великой русской литературы XIX века, она также явилась важнейшим общественно-политическим событием.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге раздались залпы декабрьского восстания. Среди тех, кто собирал и готовил порох для этих залпов был и Грибоедов. Это его энергичские, по определению Белинского, сжатые, молниеносные, чисто русские стихи были в те дни на устах у всей России. Комедию свою он закончил за год до восстания. Это не было случайным совпадением. Грибоедов был близок людям, стоявшим во главе восстания. После его разгрома он был посажен в крепость. Когда Грибоедова, за отсутствием прямых улик, выпустили, царское правительство все же постаралось услатить его подальше, на восток, следуя фамусовскому правилу: «Строжайше б запретил я этим гонопдам

На выстрел под'езжать к столицам»...

О близкой связи Грибоедова с тайным «Северным обществом», руководившим восстанием, свидетельствует то, что поэт К. Ф. Рылев, один из организаторов общества, подбиравший людей для подпольной организации, весной 1825 года говорил Грибоедову о существовании организации, имеющей целью переменить образ правления в России. О том, как к этому отнесся Грибоедов, красноречиво говорит его письмо, написанное им за две недели до восстания видному декабристу А. Бестужеву, которого он просит «искренно, по-республикански» обнять Рылеву.

II.

Вся жизнь А. С. Грибоедова подготовила его к дружбе с людьми, ополчившимися против произвола, к активному учас-

тию в борьбе. Принадлежит к знатному дворянскому роду, Грибоедов, однако, обычной для молодежи своего круга праздности и лени предпочел серьезные занятия науками, в которых он, благодаря блестящим способностям, настолько преуспевал, что к 1812 году, к началу войны с Наполеоном, будучи 17 лет отроду, окончил три факультета, став кандидатом словесных и юридических наук.

Грибоедов страстно любил науку, театр, музыку, поэзию. Но плуце всего любил он Родину. Когда разразилась война, Грибоедов писал:

«Я был готов к испытанию для поступления в чин доктора, как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы Отечества нашего... Я решил тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу».

Грибоедов поступил корнетом в Московский гусарский полк.

Лишь после полного завершения войны с Наполеоном, в 1816 году, Грибоедов оставляет военную службу и отдается литературе. Замысел будущей своей комедии Грибоедов в 1818 году увез с собой на Восток, в Персию, куда он поехал секретарем русского посольства.

«Служить бы рад, прислуживаться тошно» — говорил Чацкий. Он этим выразил и сокровенную мысль Грибоедова. Являясь дипломатическим секретарем при А. П. Ермолове на Кавказе в 1821 г. и позже в 1826—28 гг. во время войны России с Персией, закончившейся Туркманчайским миром, которым Россия обязана Грибоедову, затем послом в Тегеране после этой войны, он всегда «служил делу, а не лицам», — делу своей Родины, своего народа.

Грибоедов погиб от рук тегеранской черни, напавшей 30 января 1829 г. на русское посольство. Он погиб, как верный сын своей страны, на боевом посту.

III.

А. С. Грибоедов прожил всего 34 года. Много своих творческих замыслов, и среди них драму «1812 год», главным героем которой должен был быть русский крепостной человек, он не завершил. Он оставил нам лишь «Горе от ума», произведение, которое одно заслужило ему бессмертие.

Перечитывая «Горе от ума», или когда мы смотрим комедию на сцене, нас поражает ее неуядаемая, оставшаяся нетронутой до наших дней свежесть, энергия, сила и молодость, хотя век, избранный в ней, типы, в ней выведенные, давно минули.

В цитированной уже статье «Милльон терзаний», написанной в 1871 году, И. А. Гончаров говорил о комедии Грибоедова: «Она, как столетний старик, около которого все, отжив по очереди свой век, свою пору, умирают и валяются, а он — ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей, и никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черед».

Со времени написания этих строк прошло три четверти века, но и теперь еще «черед» комедии Грибоедова не настал и не настанет.

Каким же откровением должна была явиться эта комедия для читателей своего времени, если к моменту ее окончания Пушкин писал еще первую главу «Евгения Онегина», Лермонтову было всего 10 лет, а Гоголь учился в Нежинской гимназии... Но и великая наша литература за полтора века, в которой явилось столько славных имен, не затмила, не заслонила собой Грибоедова и его комедию.

В наши дни совершенно иного, нового социального строя, после стольких величайших, преобразовавших нашу страну событий, Грибоедов входит, как живой, и с ним — Чацкий, который, идя к нам, отбываясь от умчавшихся в далекое прошлое страшных теней, окружавших его когда-то, говорит:

«...Из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нем рассудок уцелеет»...

Да, Чацкий вышел невредимым из огня и живет поныне.

IV.

Если есть в литературе произведение, к которому в полной мере применимо правило — «чтоб словам было тесно, а мыслям просторно» — это «Горе от ума».

Все бурные события, составившие ее содержание, происходят на протяжении одного дня. Но что это за день! В нем отражены «век нынешний и век минувший» — и люди, олицетворявшие их, и борьба между ними.

Действие комедии на протяжении всех четырех актов происходит в одном доме, в доме московского барина Павла Афанасьевича Фамусова, но целая страна — вся царская крепостническая Россия — собрана здесь и выставлена на показ!

В комедии не так много действующих

лиц, но сколько обобщающей силы, реализма, типичности в каждом даже лишь мельком появившемся лице. Тысячи, миллионы увековечены в одном. И как мало слов говорит здесь каждый, и все же исчерпывающе ясны и характер, и жизнь, и мировоззрение выведенных людей.

«Ученье — вот чума», — говорит Фамусов в третьем действии. Если бы он ни до, ни после этого больше ничего не сказал, разве не была бы исчерпывающе ясна, из одной лишь этой фразы, мрачная фигура крепостника, невежды, полного ничтожества, цепляющегося за обветшалую старину!

«А я вам

Фельдфебеля в Вольтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,

А пикните, так мигом успокоит!»

Это — Скалозуб, — грубый и ограниченный салдафон — символ палачества и раболепия.

Читатель, который в наши дни впервые берет в руки «Горе от ума», уже много знает о Молчалине, Загорецком, Репетилове. Каждое из этих имен давно стало нарицательным. Каждый из них — образ, огромная обобщающая сила которого захватывает из глубины прошлого века и некоторые пороки, не совсем изжитые еще и в наши дни. Можно еще ведь кое-где встретить и у нас видоизмененного Молчалина, которому «завещал отец — угождать всем людям без изъятья», и бойкого плута Загорецкого, и Репетилова с его «шумим, брат, шумим».

Читатель удивлен, что с такой полнотой и верностью очерченные фигуры, появляются в комедии лишь для того, чтобы сказать не так уж много слов... Загорецкий появляется в третьем действии комедии, Репетилов — в четвертом. А каждый из них сказал о себе все.

Два лица в комедии обозначены лишь инициалами — Г. Н. и Г. Д. Но и их не забыть. Это они подхватили невзначай оброненное слово Софьи о том, что Чацкий не в своем уме и «разнесли слух о его сумасшествии... А кто забудет шесть книжек, хотя каждая из них произносит одну лишь фразу?

Можно ли забыть князя Тугоуховского, который говорит в комедии всего четыре слова, если то, что он говорит, можно назвать словами:

— А! хм.

— Э—хм!

— И—хм!

— У—хм!

Грибоедовым — величайшим мастером изображения характеров — здесь достигнут редчайший рекорд художественной выразительности, в котором никто его не опередил и, пожалуй, не опередит. Четырьмя междуметиями так полно и ярко охарактеризовать фигуру, в которой типизировано множество ей подобных!..

Этот рекорд свой превзошел лишь сам Грибоедов. В комедии есть одно лицо, не указанное в списке действующих. Оно называется по имени всего один раз. Но что это за яркое типическое лицо! Как полно оно раскрывает собой старую, барскую, чиновную Москву минувшего века, ту Москву, о которой Чацкий воскликнул: «Нет, недоволен я Москвой!».

Это имя с ужасом в конце комедии произносит Фамусов:

«Ах! Боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна...»

V.

В конце комедии Чацкий, озлобленный, раздраженный до предела подлыми, ничтожными и низкими людьми, которым он в одиночестве противостоит, с отчаянием восклицает:

«Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.»

Бегу, не оглянись...»

Затем следуют слова, которые, как и множество других из этой комедии, давно вошли в обиходную речь и повторяются на каждом шагу:

«...Пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! —
Карету мне, карету!»

В ремарке указано: «Уезжает».

Но Чацкий не уехал. Он с нами оставался все время. Он дожил до наших дней.

Каждый вечер в конце представления комедии «Горе от ума» он уезжает лишь затем, чтоб завтра появиться снова, чтоб страстными, вдохновенными, полными ума и блеска монологами своими проклинать свой минувший век Фамусовых и Скалозубов и из мрачного своего далека приветствовать грядущий век — наш век, когда разум торжествует над тьмой, когда в священной борьбе кует свое счастье «умный, бодрый наш народ».